

Сай Юн

**Полуночный экспресс
Фантом**

Юн С.

Ю49 Полночный экспресс Фантом / Сай Юн. – М.: Литнет, 2026. – 268 с.

ISBN 978-5-521-99211-9

Она просыпается от тишины. Не от той, что бывает, когда все спят, – от той, что бывает, когда мир замер в ожидании. Рейна Торн – Хранительница «Фантома», призрачного трамвая, собирающего души, застрявшие в петлях времени. Внутри неё живут все, кого она спасла, – Проклятие Памяти не даёт забыть ни одной боли, ни одного лица. Её команда – духи, у которых своя цена за второй шанс. Сильван, погибший, но оставшийся в экране-архиве. Имона, сломленная видениями, но находящая силы жить дальше. Кассиан, солдат, готовый защищать любой ценой. Их враг – Магнус, бывший Хранитель, павший во тьму. Его оружие – не ловушки и не вирусы, а человеческие страхи. Он не убивает – он ломает.

Но главный враг оказывается ближе, чем кажется. Элира – первая Хранительница, жена Сильвана, исчезнувшая тридцать лет назад. Она работает на Магнуса. Она знает «Фантом» изнутри. И она оставляет на плече Рейны метку – чтобы являться в любой момент, искушать, давить на слабости.

Но что, если за голосом, который искушает, скрывается другой – тот, который боится? Что, если метка – это не проклятие, а нить, связывающая две разбитые души? Рейне предстоит выбор: сражаться с тьмой снаружи или рискнуть и разглядеть свет внутри той, кто тридцать лет была врагом.

Можно ли спасти того, кто пал? Можно ли простить себя, когда вина вьелась в кости? И главное – можно ли найти семью там, где, кажется, не осталось никого? «Фантом» ждёт. Души ждут. А значит – пора в путь.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

Наследница

Пыль в архиве городской библиотеки Гроссштадта имела особый вкус. Она была сладковатой от рассыпающейся бумаги, горькой от чернильного осадка и острой – от векового равнодушия. Рейна Торн знала этот вкус лучше, чем аромат утреннего кофе. Он был её привычной средой, её стихией.

Её пальцы, тонкие и быстрые, порхали над коробками с папками, будто перебирая струны невидимой арфы. Она искала подтверждение гипотезы для своей диссертации: «Неочевидные урбанистические культы в промышленном Гроссштадте, 1890–1920». Работа продвигалась со скоростью ледника. Город словно намеренно скрывал свои тёмные уголки, замуравывая их под слоем официальных отчётов и приглаженных мемуаров.

– Опять до упора, фрейлейн Торн? – голос хранителя, старого господина Хельмара, донёсся из-за стеллажа. – Часы уже бьют десять. Архив закрывается.

– Ещё пять минут, господин Хельмар. Я почти... – Рейна не закончила фразу. Её внимание привлекла неправильная коробка. Она была не картонная, а деревянная, обитая по углам потускневшей жёстью, и стояла не на своём месте – среди налоговых ведомостей 1910-х. На крышке не было инвентарного номера, лишь выжженная и почти стёршаяся монограмма: I.V.

Сердце Рейны ёкнуло со странной, немотивированной силой. Игнатий Вальтер. Имя её прапрадеда со стороны матери, эксцентричного промышленника и, согласно семейным преданиям, «человека со странными интересами». От него остались лишь расплывчатые фотографии и легенда о том, что он потерял состояние на каком-то безумном проекте, связанном с городской инфраструктурой.

Любопытство пересилило осторожность – она подцепила крышку перочинным ножом. Скрип дерева прозвучал громко, как выстрел, в гробовой тишине зала.

Внутри не было папок. Там лежал свёрток в промасленной коже, а на нём – предмет.

Это были часы. Но не карманные, а странные, переходной формы – словно кто-то пытался скрестить хронометр с компасом и астролябией. Корпус из тёмного, почти чёрного серебра покрывала тончайшая паутина не геометрических, а органических гравировок – они напоминали то ли ветви, то ли вены. Стрелок было три: одна обычная, минутная, из синей стали; вторая, часовая, из красноватой меди; а третья, самая тонкая, словно паутинка, из матового белого металла, замерла на отметке, которой на циферблате не было – где-то между «XII» и «I». Вместо цифр – крошечные, едва различимые символы: песочные часы, закрытая дверь, башня, пустое кресло.

Под часами лежал пожелтевший лист веленовой бумаги. Почерк был твёрдым, угловатым, но в конце строк клонился вниз, будто под невыносимой тяжестью.

«Если ты читаешь это – значит, кровь моя всё ещё течёт в мире. И значит, система дала сбой. «Фантом» вышел на непредусмотренный маршрут. Он ищет тебя. Не бойся его. Бойся того, что проснётся в Хвостовом вагоне. Ключ в часах. Поверни белую стрелку на Печать. Это даст тебе время. Ищи Сильвана. Он помнит наш договор. Прости меня за это бремя. – I.V.»

Рейна перечитала текст трижды. Слова плясали перед глазами, отказываясь складываться в смысл. «Фантом»? Хвостовой вагон? Договор? Это была чья-то мрачная мистификация. Игра её предка-безумца. Она резко захлопнула крышку, но... не смогла оставить коробку. Рука сама потянулась, сунула свёрток в просторную сумку для книг. Сердце колотилось, будто она совершила кражу. В каком-то смысле так оно и было. Она украла кусок безумия из прошлого.

Гроссшадт за полночь был другим городом. Днём – машина: грохот трамваев, запах угля и металла, чёткие линии фасадов в стиле северного модерна. Ночью машина засыпала, и просыпалось иное. Фонари на набережной канала Штоль отбрасывали длинные, дрожа-

щие тени, превращая арки мостов в пасти. Ветер гулял по пустым булыжным мостовым, свистя в щелях между камнями, словно пересказывал старые сплетни.

Рейна шла быстро, плотнее закутавшись в пальто. Сумка с часами тяжело давила на плечо. Она пыталась мыслить логически: галлюцинация от усталости, мистификация, совпадение. Но на спине, между лопаток, полз холодок первобытного страха – страха перед тем, что слова на бумаге могут оказаться правдой.

Путь к её квартире в старом районе Лихтенфельд лежал мимо трамвайного депо, ныне заброшенного. Именно здесь, согласно её исследованиям, в 1927 году произошёл необъяснимый сбой энергосети и странное исчезновение одного из вагонов, который так и не нашли. Она всегда считала это технической неполадкой, приукрашенной народной молвой. Теперь же, глядя на чёрный провал ворот депо, она содрогнулась.

Именно тогда она увидела свет. Не яркий, а тусклый, мелькнувший в переулке слева. **Это был Проспект Теней – улица, давно закрытая для прохода и упоминавшаяся в путеводителях как «нерекомендуемая для посещения в ночное время».** Это был мягкий, тёплый, маслянистый свет, словно от газовой лампы. И он двигался. Ровно, плавно, с едва слышным, но знакомым до боли звуком – скрежетом стали по рельсам.

Рельсов на Проспекте Теней не было. Их демонтировали полвека назад.

Холод пробежал по спине. Разум кричал: «Уходи! Беги домой!». Но ноги, будто принадлежащие другому человеку, сделали шаг. Потом ещё один. Её вело не любопытство учёного. Влекло что-то более древнее, почти генетическое – зов крови, упомянутый в записке. И тихое, всепоглощающее желание узнать, даже если знание убьёт.

Она вышла на небольшую площадку, вымощенную потрескавшейся плиткой. Здесь когда-то действительно была остановка: остался ржавый столб с едва читаемой эмалевой табличкой «Prosper-Tenee».

Воздух здесь был гуще, холоднее и... тише. Далёкий гул города не долетал сюда, будто пространство вырезали из реальности.

И он стоял там.

«Фантом».

Трамвай. Но какой! Не уродливый современный, а элегантный, пугающе прекрасный реликт. Длинный, обтекаемый корпус цвета засохшей крови, с лакированными деревянными вставками и латунными поручнями, поблёскивающими в тусклом свете двух фар-фонарей. На лобовом стекле – номер «0». Окна были матовыми, сквозь них виднелись лишь смутные силуэты. Двери с шипящим звуком пневматики распахнуты, приглашая в теплое жёлтое нутро салона.

Рейна застыла. Время остановилось. Часы в сумке вдруг отозвались тихим, но отчётливым тик-так, которого раньше не было. Она почувствовала их вибрацию сквозь ткань.

«Не бойся его», – вспомнились слова.

Она сделала шаг вперёд. Скрип подошв по плитке был невыносимо громок. Она поднялась на подножку. В салоне пахло старым деревом, ладаном, озоном после грозы и... чем-то ещё. Чем-то неуловимо сладким и тленным, как запах увядающих лилий.

Двери закрылись за её спиной с мягким, но окончательным щелчком.

Мир снаружи исчез. В окнах не было отражения улицы – лишь бегущая, струящаяся пелена теней и мерцающих огней, как в киноленте.

Она была внутри.

Тишина, в которую она погрузилась, была небывалой. Не та тишина, что царит в пустой библиотеке – наполненная ожиданием шелеста страниц. И не ночная тишина улицы, **в которую вполётён далёкий городской гул**. Это была тишина отсутствия. Воздух стоял неподвижный, тяжёлый, будто в саркофаге. И пах... пахло воспоминаниями, которые вот-вот рассыплются в прах.

Она стояла у двери, не решаясь сделать шаг. Салон «Фантома» был длиннее, чем казалось снаружи. Ряды двухместных сидений из потёртого бордового бархата уходили в полумрак, теряясь где-то

вдали, где свет бра с матовыми молочно-белыми шарами уже не достигал пола. Стены обшиты тёмным деревом, на потолке поблёскивала медная вентиляционная решётка. Всё выглядело аутентично, дорого и мертво. Как музейный экспонат.

И были **они**.

Пассажиры.

Не призраки в классическом понимании – прозрачные, стонущие. Они казались почти плотными, почти живыми, но сбитыми с частоты реальности. Их одежда была лоскутным одеялом эпох: платье с турнюром и потускневшей брошью, поношенный костюм-тройка с котелком, форма рабочего с масляными пятнами, военная гимнастёрка без знаков различия... Они не двигались. Не разговаривали. Просто сидели, уставившись в пространство перед собой. Некоторые – на пустые сиденья напротив, другие – в запотевшие окна, за которыми клубилась беспросветная мгла.

Рейна вздрогнула. Это была не просто странность. Это была не правильность на клеточном уровне. Её взгляд, привыкший к деталям, зацепился за их руки. У каждого, на запястье или в ладони, покоился небольшой предмет.

Часы.

Не такие, как у неё. Проще, грубее, но с той же странной, органичной гравировкой. У одних – карманные на цепочке. У других – наручные с потрескавшимися кожаными ремешками. Сквозь матовое стекло циферблатов виднелось содержимое: не стрелки, а песок. Но не обычный.

У сидящего ближе всех старика в цилиндре песок был цвета ржавчины и почти не двигался, застыв у самого горлышка. У молодой женщины в платье 20-х годов, с неестественно прямой спиной, песок был чёрным, как уголь, и медленно, неумолимо перетекал вниз, песчинка за песчинкой. У солдата песок был земляного, глинистого оттенка и вздымался маленькими вихрями, будто в миниатюрной буре.

Пески Сожалений. Слова из записки обрели жуткую, осязаемую форму.

Ей захотелось убежать, стучать в запертые двери, но ноги словно вросли в шершавый пол из тёмного дуба. И тут она поняла: они смотрят не в пространство. Они смотрят сквозь него. Их взгляды обращены внутрь, в петли собственной памяти, в моменты, которые приковали их к этим сиденьям. Эта мысль была ужаснее любого призрачного лика.

– Ну что, Наследница, – раздался голос прямо у уха, низкий, с хрипотцой голос, – понравился тебе семейный экипаж?

Рейна вздрогнула и резко обернулась.

Он стоял, прислонившись к деревянной перегородке у кабины машиниста, и смотрел на неё с усмешкой, в которой не было ни капли тепла. Это был мужчина – или то, что выглядело как мужчина, – лет сорока на вид, но в глазах стояла усталость, которой хватило бы на несколько столетий. Лицо с правильными, даже красивыми чертами портили шрам от виска к углу рта и выражение постоянного, привычного цинизма. Одет он был не в лохмотья истории, как остальные, а в странный, вневременной наряд: поношенная, но хорошо сшитая тёмно-зелёная куртка поверх серой рубашки, свободные брюки, тяжёлые ботинки. На запястье не было часов. Вместо них на кожу будто нанесли светящуюся голубоватым светом татуировку – стилизованный циферблат, где вместо цифр красовались незнакомые знаки.

– Кто вы? – выдавила она, **отступая, пока не упёрлась спиной в латунь поручня.**

– Сильван. Сильван Рейн. – Он оттолкнулся от перегородки и сделал неспешный шаг к ней. Движения были плавными, кошачьими, в них чувствовалась опасность, но не непосредственная угроза, а скрытая угроза. – А вы – Рейна Торн. Хотя вам, наверное, больше подошло бы «Рейна Вальтер». Кровь-то его. Чувствуется за версту. Для таких, как мы. И для таких, как Он.

– О ком вы? – голос окреп, в нём зазвучали нотки академического упрямства, что гнало её вглубь архивов. Страх отступал перед жгучим желанием понять.

– О хозяине Хвостового вагона. О причине всего этого бардака. – Сильван махнул рукой, очерчивая салон. – Но обо всём по порядку. Добро пожаловать в «Фантом», дорогая. Или, как мы, поскребыши, его зовём, – «Исправительную колонию на колесах». Ваш прапрадедушка, светлая ему... тьма, был большим оригиналом.

Он подошёл ближе, и Рейна увидела, что в его глазах цвета старого мха нет того пустого взгляда, что у других пассажиров. В них была жизнь. Яркая, горькая, невероятно уставшая, но жизнь.

– Вы... вы не такой, как они, – сказала она.

– Восхитительная наблюдательность. Настоящий учёный. – Он усмехнулся. – Нет, я не в петле своего «Сожаления». Мой долг... особый. И я здесь дольше всех, если не считать Вальтера.

Он кивнул на запёртую дверь кабины машиниста.

– Почему я здесь? Как мне отсюда выбраться?

– Вопросы, вопросы. – Сильван закурил сигарету, которой у него в руках секунду назад не было. Дым был бледно-сизым и пахнул полынью. – Вы здесь, потому что система ищет замену. Игнаций исчез. Протокол даёт сбой. «Фантом» вышел на охоту за родственной душой – в прямом смысле. А насчёт «выбраться»... – Он усмехнулся, и в усмешке мелькнуло что-то почти сочувственное. – Отсюда не «выбираются». Отсюда или сходят, или остаются. Смотря как отработаешь.

Он внезапно протянул руку и схватил её за запястье. Прикосновение было холодным, но не ледяным – скорее как металл в морозный день. Рейна вздрогнула, но не стала вырываться. Сильван перевернул её руку ладонью вверх. Часы в сумке на плече отозвались резким, вибрирующим тик-так.

– Давай посмотрим на твой счёт, новенькая, – прошептал он.

И тогда она увидела. На чистой коже, чуть выше линии жизни, проступили тончайшие серебристые линии. Они складывались,

сплетались, формируя тот же призрачный циферблат, что был у него на запястье. Но на её «часах» не было песка. Была лишь одна стрелка – та самая, белая, паутинная, с её настоящих часов. Она дрожала и медленно, со скрипом, двигалась от невидимой отметки «Печать» к чему-то другому.

– Что это? – прошептала она.

– Твоё время. Вернее, время, которое тебе отведено, чтобы всё исправить. – Сильван отпустил руку. Отпечаток его пальцев ещё секунду светился на коже, затем погас. – Пока белая стрелка не сделает полный круг, ты можешь действовать. Можешь пытаться починить то, что сломалось. После... – Он пожал плечами. – После ты либо станешь одной из них, – кивок на замерших пассажиров, – либо чего похуже. А твоя кровь, Наследница, – это и ключ, и приманка. Она запустила аварийный поиск Хранителя. И она же разбудила Его.

Внезапно свет в вагоне померк. Не погас, а словно выпцвел, стал тусклым и водянистым. Бра заморгали, отбрасывая прыгающие тени, от которых по углам скулили сгустки тьмы. Застывшие пассажиры не пошевелились, но по салону прошёл единый, почти неосоздаваемый вздох – звук ветра в давно забытой трубе.

Сильван выпрямился, насмешливый взгляд сменился настороженностью хищника.

– Говорил же. Чувствует кровь.

Холод, вошедший в вагон, был не просто отсутствием тепла. Он был субстанцией. Он пробирался под одежду, цеплялся за кости, высасывал надежду. На стёклах окон, ещё секунду назад затянутых мглой, стал нарастать иней. Но не хаотичный, а образующий сложные, геометрически безупречные узоры: бесконечные фракталы, лабиринты, печати. Это была математика, превращённая в лёд, логика абсолютного нуля.

Из репродуктора, вмурованного в потолок, донёсся не голос, а скрежет. Скрип рвущегося металла, ломающихся костей и... голоса. Тысячи голосов, спрессованных в одну невыносимую какофо-